

ЗОВ «ОТРЕЗАННЫХ КОРНЕЙ»

(СУДЬБА ЭМИГРАНТА)

С.В. ПРОЖОГИНА

Доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: Марокко, Тахар Бенджеллун, роман «Au pays» («Домой»), арабские иммигранты во Франции

В деревне стояла сухая жара. Земля была выжжена солнцем. Безжалостно. На ней не видно ни травинки, ни зеленого кустика. Деревья засохли. Еще по дороге Мохаммед вдоволь надышался пылью. Люди все сидели по домам. Закрывали крышками колодцы во дворах из-за страха, что вода испарится. Стояла тишина. Не о чем было говорить. Нечего было и делать. Сердца человеческие постепенно тоже черствели. Дети не слушались старших. Девушки сидели взаперти: родители не разрешали им смотреть на мужчин. Здесь не спорят, не возражают. Соблюдают традицию.

«Жизнь очень простая, то есть ужасная» (это - комментарий автора)*. Хотя установленные в домах телевизоры (на газовых генераторах, поскольку электричества в деревне нет) дают возможность людям «приоткрыть окошко в мир». Но на этот мир люди «смотрели с улыбкой», как на нечто экзотическое. А уж если показывали им какой-то фильм, где мужчина берет женщину за руку, зрительницы закрывали платком лицо, приговаривая: «Эти христиане совсем стыд потеряли!»...

«ДОМ СЧАСТЬЯ, МИРА И ГАРМОНИИ»!

...Время текло «на родной стороне» медленно, и как бы «удаляясь от человека». Мохаммед не заметил, как прошло пять лет: он начал строительство своего нового дома - следуя своим планам «воссоединения детей с семьей» - и не останавливался, «словно плыл куда-то по воздуху», лелея

надежду ухватиться за свой мир, пока не кончились все его сбережения.

Подрядчик выманивал из него деньги, а нанятые им строители пытались реализовать безумные планы возведения огромного и нелепого сооружения с большим количеством комнат, террас, с каким-то «общим для всех туалетом» (многочисленные сидения с отверстиями), с большой кухней, бесчисленными коридорами, оконными проемами (пустыми, незастекленными). И все это воздвигалось на приобретенном Мохаммедом пустыре неподалеку от старого его жилища, где, как и повсюду в деревне, не было ни канализации, ни водопровода... А Мохаммед воображал, что сооружается нечто «грандиозное, просторное, воздушное, похожее на ковер-самолет, плавно покачивающийся на облаках в небе».

Наверное, полагал он, время стало к нему благосклоннее, и он, если что-то и не успел сделать для счастья своего во Франции, то уж здесь, в Марокко, будет вознагражден сполна... Дом, полагал он, обязательно будет «светлым и прекрасным, полон детьми, их радостным шумом и гамом»... Он улыбался, вспоминая, что его и раньше никогда не раздражала детская беготня и суета.

А еще он планировал насадить деревья вокруг Дома, вырастить пышный сад и огород, кусты роз и собирать обильные урожаи фруктов, плодов и цветов... И представлял себе любимого приемного сына Набиля в роли садовника... Набиль был сейчас единственным человеком, на помощь и поддержку которого рассчитывал Мохаммед. И он свято верил, что сделав Набиля «распорядителем» в большом и новом своем будущем Доме, поможет излечиться ему от болезни Дауна... Ведь ему шел уже шестнадцатый год...

Может быть, и младшей дочери удастся выучиться на ветеринара и стать здесь всеми уважаемой и почитаемой женщиной... Ведь там, во Франции, размышлял Мохаммед, ей вряд ли удастся преодолеть когда-нибудь ту «планку», которую установили для иммигрантов. Как-то его товарищ объяснял ему, зачем это делается: «Понимаешь, наши дети никогда не будут учиться в их университетах... Их в лучшем случае сориентируют на приобретение рабочих, технических профессий, на разные ремесла. И им никогда не стать депутатами парламента, не работать в крупных банках, в исследовательских лабораториях. Несмотря на все обещания, Франция с легкостью предоставляет детям иммигрантов только одно право: заполнить тюрьмы, постоянно быть на учете в полиции, вечно ходить в подопреваемых во всех совершаемых в стране преступлениях... Мы - иммигранты - конченные люди. Французы на нас обрушивают комплекс своей колониальной вины. Вот и срываются на наших детей, а те - на них, и губят их машины, и всё, что попадет на их пути, и бют витрины... Наша с тобой плачевная судьба и судьба наших детей одинаковы... На нас, иммигрантов, здесь всегда будут указывать пальцем как на источник всех здешних несчастий... А ведь мой сын, как и твои дети, Мохаммед, родились здесь, и они - стопроцентные граждане Франции...»

...Добираясь в родную деревню (до Танжера - паромом из Марселя, до Касабланки - автобусом, до Агадира - поездом, а оттуда - на попутной машине), Мохаммед повсюду видел нищих на дорогах; женщин с детьми за спиной (марокканки, как и многие другие африканские женщины, привязывают их полотенцами),

Окончание: Начало см: Азия и Африка сегодня, 2012, № 5.

* Здесь и далее перевод Прожогиной С.В. по: *Tahar Ben Jelloun. Au pays. P., 2009.*

идуших в город пешком в изнуряющей жаре; бесцельно бродящих безработных молодых людей; жалких стариков в лохмотьях, показывающих какие-то мятые, старые бланки медицинских рецептов, прося денег у проезжающих и прохожих на лекарство, и сказал себе: «Понемногу, но все больше и больше эта страна утрачивает свое достоинство, теряет постепенно былую гордость за свое прошлое... Уж слишком много стало тех, кто протягивает вам руку, прося помощи, и тех, кто беспощадно наживает на нищете народа... Слишком много стало несправедливости, и чем дальше, тем больше. И чем богаче становятся люди, тем страшнее коррупция, тем ужаснее бедность».

И сейчас, видя, как *«несправедливость царит повсюду»*, хотел надеяться только на будущее: на тот Дом, в котором, возможно, обретет счастье...

Откуда-то взялись прежние молодые силы, прибавилось энергии, и он целиком погрузился в подсчеты мешков с цементом, щебнем, штукатуркой, забыв о времени... Соседи и родственники помогали ему советами, хотя с удивлением взирали на постепенно возникавшее на пустыре странное сооружение, совсем не похожее на маленькие их хижины, и расходясь по домам, спрашивали себя, не потерял ли их земляк рассудок...

Он без конца твердил им только одно: «Я хочу большой дом, самый большой в этой деревне, такой большой и такой вместительный, как само мое сердце. Надо, чтоб этот дом был виден издалека, чтобы люди говорили: там живет Мохаммед с детьми... Да, да, все мои дети приедут сюда и расселятся здесь в этих больших комнатах. Места хватит всем... И детям моим, и внукам. И это будет Дом Счастья, Мира, Гармонии!»

Он понимал иногда, что преувеличивает, но строительство так захватило его, что он давно уже стал не похож сам на себя. А дом все разрастался, терял все мыслимые пропорции, всякую логику. Главным было *«собрать всех под одной крышей»*, хотя создававшееся жильё напоминало скорее «огромную кастрюлю, под крышкой которой варилось нечто несъедобное». Стены так и оста-

лись непокрашенными, оконные проемы незастекленными и ставни неприкрепленными... Зияли темные дыры.

Прошло несколько лет, но дом так и остался необитаемым. Дети так и не явились, а жена, которая жила в старом фамильном домишке неподалеку, навещая почти потерявшего рассудок мужа, все еще пыталась «свернуть его с неверного пути»... Она уже давно поняла, что ее дети больше не принадлежат им, их унес «вихрь жизни во Франции», что живут они своей жизнью и не испытывают ни сожалений, ни угрызений совести... «А разве они не правы? Они тоже по-своему привязаны к той стране, где родились и выросли. И как их упрекать за это?»

А отец за сорок лет работы во Франции не захотел меняться. Он остался таким, каким был. «Словно был загерметизирован: не испытал никаких влияний. Ничего из «французского» не оставило и следа в его душе, в его сердце». Ничто не могло поколебать его, вытравить из него его сущность. И таких как он - он в этом был уверен - во Франции были миллионы... Они прибыли туда, эти эмигранты, словно «в броне», и не захотели никакого «смешения», жили своей жизнью, хранили свои обычаи. Чувствовали всю жизнь себя здесь *«чужими»*, иностранцами. И защищали себя своими традициями. Будто перенесли сюда свою родную деревню, свой мир, и боялись подхватить «французскую заразу»... Охраняли себя таким образом от окружающей реальности. Вопросы особо не задавали. Считали, что ислам - их крепость. Их сущность.

«Я, - размышлял Мохаммед, - прежде всего - мусульманин, потом - марокканец, и я был таким раньше, чем стал иммигрантом. Зачем меняться? Ислам - мое прибежище. Религия успокаивает меня... Здесь другая вера. Мы не созданы для нее. И французы тоже живут своей жизнью, а мы - своей. И они не могут жить, как мы. Наш взаимный контракт прост: мы работаем, они нам платят. Но у меня на их земле выросли дети. И надо бы, чтоб они вернулись в родной дом. А он - в *моей стране, на моей родине...* Это ведь так просто: этот Дом - это наша звезда, наше главное богатство,

самое драгоценное. И каждый камень, положенный в его основание, - это капля крови моей; каждая его стена - часть моей жизни... И мы *все* будем жить здесь той жизнью, которой жили и мой отец, и мой дед, я всего лишь следую по дороге, проложенной ими, а им лучше было знать, как жить следующим за ними поколениям... Здесь будет всё, что нужно для счастья... Главное - это наша земля, а это лучше, чем деньги... И доказательство того, что я, вернулся обратно, не став другим... Франция помогла мне заработать, сделать какие-то сбережения, но она хороша для французов. У нас там нет *своего места...* И я хочу вытащить оттуда наших детей, и они должны продолжить жизнь своих предков... Здесь скоро кончится засуха, земля будет плодоносить, и нет смысла, чтобы наши дети жили вдали от нас»...

ДОМ-НАВАЖДЕНИЕ - ДОМ-МАВЗОЛЕЙ

Эта идея стала его наваждением, он без конца повторял одно и то же, прерывая свой монолог только для того, чтобы взглянуть на небо и посмотреть, не появилось ли хоть какое-то облачко...

Но дождь так и не пролился. Строительство Дома больше не продолжалось, но Мохаммед все надеялся, что и воду к нему подведут, и электричество, и дети, глядишь, приедут на следующее лето, на каникулы хотя бы... И он купил на остатки своих денег старое кресло, принадлежавшее какому-то еще французскому колонисту, установил его перед фасадом своего странного сооружения, устроился в нем, хотя пружины были уже никуда не годными и сидеть в нем было неудобно, и стал смотреть на дорогу, на открывавшийся за ней горизонт, в надежде увидеть подъезжающие сюда машины...

Мохаммед упрямо сидел в своем кресле и ждал. Он уже не мог вставать, не мылся, зарос грязью, дурно пах. Да и старое кресло как-то странно вдруг стало зарастать травой, погружаться все глубже и глубже в землю, словно хотело зарыть в ней и себя, и своего сидельца...

Мохаммеду как-то померещился черный силуэт: какая-то тень словно кружилась вокруг его

так и недостроенного Дома. Повелю каким-то страшным холодом... Послышался какой-то странный скрежет чьих-то зубов; черный силуэт то исчезал, то снова возвращался... Мохаммед умылся остатками воды в кувшине, которую приносила ему жена, и прошептал молитву, пытаясь удалить от Дома и от себя это видение Смерти...

На какое-то время рассудок возвращался к нему, и он успел еще, прежде чем окончательно впасть в свое кресло, подняться на крышу своего Дома и там, глядя на небо, обращаясь к Богу своему и его Пророку, стал бормотать то по-берберски, то по-арабски: «О, несчастный! Ты истратил все свои деньги на эту свою стройку, и теперь будешь питаться только мясом ежей и пить овечьё молоко пополам с песком. Потом подохнешь, подавившись, и никто не придет тебе на помощь... Ты, видно, соорудил все это на земле, не принадлежащей людям, вторгся в пределы тайных хозяев этого места, причинив им зло... И это твоё сооружение, этот твой Дом останется навсегда пустым, и ни единая душа не поселится в нем, да и ты сам останешься умирать на пустыре перед входом в него... И когда настанет Ночь Судьбы, последняя ночь священного праздника жертвоприношения Аллаху, ты навсегда покинешь это место, оставив его тайным властелинам, - тем духам его, что живут в глубине колодезев, в вышине небес, что обжигают огнем все то, на что обращают свой взор, не зная ни стыда, не ведая страха, ибо они - сильнее самого Дьявола, и обитали здесь всегда, испокон веков, тысячелетий, и они терпеть не могут наивных людей, которые думают, что, помолвившись Аллаху, они изгонят этих духов... О, несчастный! Всё, что ты сделал, всё - впустую. Всё - напрасно! И сам ты станешь пылью, которую унесет ветер, не оставив ни следа твоего на этой земле...»

И исполнившись древними поверьями, Мохаммед теперь заклинал людей: «О вы, живущие на чужбине! Покинув землю свою, вы засыпали ее камнями! Вы - потерянные люди, - и дети ваши - потеряны для вас! Они сами отторгли вас, как вы когда-то свою землю! И тайные стражи ее,

духи этой земли, сделали так, что ваше потомство будет считать себя сыновьями другой земли, чужой! О, неблагодарные! И у них отныне не будет нигде корней, и никогда они не обретут истинной веры! Они сожгли свои корни, а сами превратятся в пыль, станут пеплом, как сгоревшая трава... О, люди! Пойдите лучше к могилам предков ваших, приникните ухом своим к земле, послушайте, что скажут они! Ведь они - мудрецы и праведники. А они вам скажут, что всё, что я задумал и построил, всё - ошибка. И она - огромна. И в ее необъятности никому жить нельзя... И пусть это место тайных властелинов, которых я расстроивал, станет местом всеобщего раскаяния нашего; и пусть придут сюда все заблудшие, как я, все, за границей этой земли живущие, забывшие, откуда родом они и куда идут...»

Мохаммед спустился тогда с крыши, решив переночевать не под открытым небом, но в своем старом домишке, где возле железной койки, на тумбочке, лежал Коран. И обнаружил, что страницы старой книги рассыпались. Он собрал их, но увидел, что они - *абсолютно белы*, без единого слова. Тогда он тщательно завернул Книгу в лоскут, похожий на саван, и заснул, свернувшись на молитвенном коврике.

Кто-то Невидимый лишил последнего прибежища и его уставшую душу, стерев *все знаки его Веры со страниц священного писания*... Неужели и Аллах оставил его? Но он еще успел на последние гроши совершить последнее свое жертвоприношение ему в наступивший (незадолго до его смерти) праздник. Зарезав перед Домом барана, он на следующее утро отдал мясо всем пришедшим к нему соседям, так и не дождавшись самых дорогих гостей - своих детей, которых надеялся увидеть хотя бы в Священную для мусульман Ночь - *Ночь судьбы*, явившую когда-то Пророку Божественное Откровение...

«Нет, никто и никогда не придет ко мне в эту глушь, не бросит своих христианских жен и мужей, не захочет выйти замуж за местного пастуха, а один из моих сыновей и вовсе забыл свое имя - Рашид - и стал называть себя Ришаром...»

...Люди унесут по домам, раз-

делав на куски зачерстевшую к утру тушу жертвенного животного, удивляясь щедрости Мохаммеда и дивясь на странное сооружение, стены которого уже стали давать заметные трещины...

Потом началась другая его жизнь, а точнее - смерть, во все вставшем в землю старом кресле. Хотя Мохаммед уже не видел больше бродивший вокруг Дома черный силуэт... Устремив пристальный взгляд на дорогу, он все еще надеялся увидеть спешащих к нему попрощаться детей. Ждал ночи, почему-то думая, что встреча их произойдет, когда уляжется дневной зной, и палящее солнце опустится за горизонт. Но посетил его только местный пастушок, забредший сюда со своими овцами, и прислонившись к его плечу, почувствовал всю глубину его печали и тоски. И поплакав над ним, сказал ему, что «никогда не видел такой красоты, как этот Дом», да и вообще не видел ничего другого, кроме этой сухой, выжженной солнцем, растрескавшейся земли. Пастушок напомнил Мохаммеду дни его юности.

...Жена еще успела обмыть его уже постепенно уходившее вместе с креслом в землю тело, обернула его белым саваном, умастила. Мохаммед уже давно молчал. Ни на что не реагировал. Давно ничего не ел. Потихоньку, вместе с креслом уходил в глубь земли, «словно дерево, пускавшее свои корни... Словно якорь, стремившийся закрепиться здесь навсегда... Словно старая лодка, навсегда разбившаяся о безлюдный морской берег...»

И вот, наконец, все смешалось с землей. Лоскуты старой кожи, обтягивавшей кресло, и почти разложившееся старое, никому не нужное, как домашняя рухлядь, тело Мохаммеда.

Неожиданно вырос холм, покрылся зеленью, и на эту могилу пришли помолиться люди в белых одеждах. Они говорили, что умерший - человек, у которого чужая страна *«отняла всё»*. И еще о том, что в той стране их ценности не стоят ничего, и никому там не нужен ни их язык, ни их традиции... Она сеет только безумие среди таких, как Мохаммед, который пытался сохранить свои корни... И решили, что воздвигнутый им Дом станет ему Мавзолеем. Хотя его могила и не внутри, а

снаружи. Так появилась гробница нового святого на этой земле - марабута Мохаммеда. И станет холм из родной ему земли, что сам вырос перед входом в несостоявшийся *Дом Счастья*, местом паломничества людей...

...Кто-то предложил выкопать его ушедшее само под землю тело; оно оказалось нетленным, благоухало, а саван остался перевозанной белизны... Портал Дома покрасили известкой и сделали на нем надпись: «Во имя Бога Всемилоостливого и Всемогущего. Упокоился человек праведный. И кончились его страдания. Господу принадлежим мы все. И все к нему возвращаемся»...

...За могилой Мохаммеда никто не ухаживал, она зеленела сама. Верующие люди приносили сюда иногда свои нехитрые дары (у марокканцев обычно - это яйца и хлеб), складывали их на пороге Дома. Ни мухи, ни осы не трогали съестного, не кружили над приношениями. И еще: ни кошки, ни собаки не подкрадывались к ним. И над этим местом всегда царил какой-то неведомый райский аромат. И всегда пробивалась молодая трава на могильном холме. Кто-то посадил привезенное издалека дерево. Под сенью его быстроразросшихся ветвей можно было обрести прохладу и покой...

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ГЕРОЙ

Так закончил писатель свое новое повествование о нелегкой судьбе людей, когда-то расставшихся с родиной, но захотевших вернуться к ней. В давно привычной манере, смешивая реальное и фантастическое (поклонник Борхеса и Маркеса, Бенджеллун еще с конца 60-х гг. XX в. увлекался «магическим реализмом»¹), писатель еще раз показал, как эмиграция способна разрушить и даже убить человека, отрезав его «корни», лишая возможности полноценно жить «своей жизнью». Но даже мечтая об обретении жизни новой, даже стремясь радикально изменить что-то в своей судьбе и стать «новым человеком» [роман «Уехать!» - («Partir!»)], даже став им, т.е. *человеком как-то интегрировавшимся* в другой мир, в его общество [роман «Сладкая каторга» («Les raisins de la galère». Р., 1997)], эмигрант (а специфика именно эмигрантского, в отличие

от иммигрантского, менталитета, очевидна) будет ощущать себя неким особым «поселенцем» на чужой земле. Даже если надолго останется на ней. И так или иначе будет ощущать свою *особость*².

«Примерный» североафриканец, почти полвека проживший и проработавший во Франции, героем романа Т.Бенджеллуна «Au Pays» так и не смог обрести здесь свою *целостность*, ибо память об «отрезанных корнях» терзала его, и он настойчиво стремился к ним. Всю свою жизнь, прошедшую, как сон, *между реальным пространством чужбины и идеальным представлением о «берегах Отчизны дальней»*... Это произведение, собственно, и стало выражением квинтэссенции этой тоски, ностальгической грёзы человека, не желавшего *изменить самому себе*, несмотря на диктат окружавшего мира. Трагедия семейного разрыва, предчувствие которого он старался скрывать от самого себя, назревала давно. Но свершившись (как итог долгой и почти естественной *поколенческой дезинтеграции*), она представала ему как силуэт «черной смерти», как крушение всех надежд и даже веры. И человек, стремившийся *воссоединить*, собрать в единое целое родную землю и своих детей, рассеявшихся на чужбине, погиб.

Но нельзя не заметить, что мотив Дома, который создает Мохаммед *во имя «всеобщего счастья»*, как и мотив проросшей на его могиле зеленой травы (накопец-то *ожили* родные корни!) сродни мотиву Дерева, ставшего обиталищем другого бенджеллуновского Мохаммеда (из романа «Моха - безумец, Моха - мудрец»), который, питаясь, как и его родимое дерево (в ветвях которого живет этот провидец), соками родной земли, умел говорить («вещать»!) людям *только правду*. Пусть горькую, но ведь и она - *спасительна*... Вот и Дом, который пытался воздвигнуть на родной земле вернувшийся в родной край Мохаммед, тоже по-своему стал, пусть иллюзорным, пусть безнадежно несовременным, но так необходимым человеку образом некоей Истины, живущей в человеческой душе, жаждавшей пусть невозможной, но такой светлой, такой теплой, такой лучезарной Гармонии: *объединения*

всех в радости, воссоединения в покое и мире, а значит, и восстановления нарушенной людьми связи между прошлым, настоящим и будущим...

Вдруг оказавшись в абсолютном ином, непривычном ему времени жизни, внезапно остановившемся (выход на пенсию почти означил для него *небытие*), Мохаммед попытался собрать оставшиеся силы для воплощения этой своей давно лелеемой мечты. Но писатель оказался беспощадным к своему новому герою, показав *нелепость*, неосуществимость его планов: то ли сам давно уже ощущая тяжесть мрака безысходности всех человеческих надежд на лучшую жизнь «на родной стороне» (роман Т. Бенджеллуна «Это ослепляющее отсутствие света» - «Cette aveuglante absence de la lumière». Р., 2001) и продолжая жить во Франции, то ли зная точно (ведь он, Тахар Бенджеллун, - не только писатель, лауреат Гонкуровской премии, но еще и профессиональный социопсихолог), что процесс полной *дезинтеграции* неизбежен и новое поколение «этнических североафриканцев» окончательно забудет о том, что такое «заветы предков» и что значат «родные корни»... Они их пустили уже на другой земле. Но наградит ли она их благоуханием молодых побегов и новых ростков?.. Или же «горький дым Отечества» будет иногда застилаться слезами их глаза?

Так или иначе, но, как и могила Мохаммеда, роман писателя живет теперь своей жизнью, и читателю жаль так и не построенного героем романа Дома, жаль его прекрасной иллюзии *всеобщего счастья*... Утешает одно: Человек, вопреки всему, вернулся к *Самому Себе*. И это - главное.

¹ См.: Бенджеллун Тахар: Харруда; Самое глубокое одиночество; Моха - безумец, Моха - мудрец; Молитва об отсутствующем, Святая ночь, и др. О них в работах Прожогиной С.В.: Для берегов Отчизны дальней... (М., 1992), Иммигрантские истории (М., 2001), и мн. др.

² Даже в огромном корпусе иммигрантской литературы это ощущение не просто манифестируется, но и становится доминантой сознания «этнических арабов» (или берберов), вскрывающей различные причины (в основном - социальные и политические), порождающие такого рода психологическую реакцию североафриканцев, живущих во Франции.